

Женщина на одно утро. Танцор

Автор:

[Алиса Клевер](#)

Женщина на одно утро. Танцор

Алиса Клевер

Полночь по парижскому времени #8

Даша Синица собиралась улететь в Москву, домой, по серьезным семейным обстоятельствам. Но сбыться ее планам оказалось не суждено: некая женщина попыталась поджечь Дашу в машине. Теперь девушке предстоит остаться в Париже вместе со своим возлюбленным Андре Робеном, пока не выяснится, кто хотел убить ее столь изощренным способом. Отныне Даша подозревает каждую, ведь ей, как и Андре, по-прежнему грозит опасность. Но кто эта таинственная ненавистница? Ответ на этот вопрос становится для Даши полной неожиданностью.

Алиса Клевер

Женщина на одно утро. Танцор

I'll soon be gone now

Forever not yours[1 - Я исчезну скоро, навсегда не твой... (англ.). (А-НА – норвежская музыкальная группа).]...

А-НА

Жестокость и страх пожимают руки друг другу.

Бальзак О.

Теперь люди слишком многого ждут от жизни; им неинтересно просто жить.

Джон Голсуорси, «Сага о Форсайтах»

Все грешники сгорят в аду, а разверзнется он на Земле. Реки пересохнут, земля покроется сухими трещинами, исчезнут леса. Весь мир опустеет, и имя этому миру будет Пустыня, в которой не останется ничего, кроме огня. Явь обернется страшным сном, а сны станут призывать смерть как спасение, но она не придет. Сумасшествие – все, происходящее со мной, с нами – здесь и сейчас. Но все это не фильм ужасов, это происходит на самом деле. Языки пламени кусают меня за руки, и я не знаю, куда бежать. Разве можно убежать от судьбы? Она идет по моим следам, повторяя шаги, ритм, даже дышит так же, как я – неглубокое, рваное дыхание, какое бывает у женщины во время схваток. Странно, что я вообще умудряюсь дышать – страх не дает мне пошевелиться и парализует не хуже змеиного яда. Посреди этой статичной безмолвной паники в моей голове неторопливо появляется до странности спокойная мысль: «Я сейчас сгорю». И это не страшный сон. Простая констатация факта.

* * *

Утро выдалось туманным, и маленький пригород Авиньона в одночасье стал похож на приграничную территорию между параллельными мирами. Ступая по брусчатой мостовой, я почти не видела собственных ног, словно брела по теплему парному молоку. Туманный Альбион во Франции. Иррациональное желание нырнуть на глубину, пересечь границу и увидеть, наконец, что там – по ту сторону таинственного зеркала. Оно было таким сильным, что я с трудом подавила его в себе. Оглянулась воровато, будто кто-то мог застать меня за этими нелепыми, почти детскими мыслями и отчитать, поставив в угол.

На колени, на горох.

Трехэтажный домик-пансион тихо дремал в утренней неге – слишком раннее время для этой сонной провинции, живущей по расписанию местных

телепередач. Спал весь уютный, застрявший в Средневековье городок, который, впрочем, не до конца просыпался и днем, проводя век за веком за прялкой, любясь по вечерам одним и тем же пейзажем – летящими волнами разноцветных полей. Скоро наступит осень, краски станут богаче, волны – полнее. Осень еще не пришла, но уже чувствовалась в воздухе: в тонком запахе урожая и прохладной влаги на темно-изумрудной траве. Я потянулась, вытянув вверх руки и приподнявшись на цыпочки, пока удовольствие не стало граничить с болезненностью слегка перетянутых мною мышц. Так я потягивалась в детстве, когда очередная нянька, нанятая мамой на время их с Шурочкой отъезда, будила меня в школу. Опуская руки, я невольно скользнула взглядом по пальцам правой руки и улыбнулась – невозможно быть совсем уж несчастной теплым утром в предместье Авиньона. На безымянном пальце красовалось чужеродным пришельцем кольцо с черным бриллиантом. Невозможно быть совсем уж несчастной, когда тебе сделали предложение, встав на одно колено, а ты сказала «да».

Кольцо было тяжелым и мешалось, непривычное ощущение постоянно отвлекало, притягивая взгляд и внимание к черной капле на пальце. Я улыбалась, произнося про себя слово «невеста». Оно так контрастировало с тем ужасом, в котором я пребывала последние дни. Настоящее, полное слез и страха, никак не вязалось с тем, что олицетворяло будущее. Белое платье, расписные стены стилизованной под старину церкви с золотыми куполами-луковицами – всё это не для нас, как и прозрачные бриллианты. Я попыталась представить, какой должна быть наша свадьба, – и не смогла. Темно-синий флер. Почти никаких гостей, только мама, переодевающаяся на выход в двадцать пятый раз, потому что «на торжестве будут журналисты».

«Она обязательно вернется ко мне, она придет в себя». Это я повторяла про себя, как буддистскую мантру, стараясь искренне и всецело поверить в расхожую истину о том, что мы сами создаем мыслями тот мир, что реализуется вокруг нас. «Маме станет лучше, маме станет лучше. Мы поедем домой». Андре останется здесь – это было грустно, но неизбежно. Мы провели вместе слишком много времени, не разлучаясь больше, чем на рабочий день, словно боялись не выдержать разлуки. Неприятная мысль кольнула – что, если мы и вправду не выдержим?

Что, если не выдержит Андре? А я – я сама-то выдержу разлуку? Я не особо верила в постоянство той любви, что была между нами, но, боже упаси, не желала ничего делать по этому поводу. Пусть все будет так, как будет.

Когда я проснулась, он лежал рядом, опершись на ладонь, положив голову на согнутую в локте руку. Лежал и смотрел на меня – наэлектризованный взгляд, тяжелый, полный сомнений. Между бровей залегла морщина. Что его беспокоило, я не знала, но вся наша история – путешествие по тонкому льду. Нам было хорошо только за закрытыми дверями темных комнат, но стоило солнечному свету попасть на наши лица, и мы закрывались, как вампиры, наполняясь подозрениями, ревностью и недоверием. Мы умудрились влюбиться друг в друга, притянутые одинаковой непохожестью на других, но так и не научились доверять. С этим у нас проблемы, доверие – наш общий пунктик. Теперь можно даже сказать, что это у нас семейное, раз уж мы заявили, что собираемся стать семьей. Ячейкой общества. Господи, какая-то клоунада. Или нет? Семейное счастье казалось чем-то ложным, даже фальшивым – телевизионная рекламка про зубную пасту, и – точно не про нас.

Раннее утро прекрасно, и я улыбаюсь, сама того не замечая. Так и стою на молочной мостовой, улыбаясь, и жду Андре. Он пошел за очередным чемоданом – по шкафам у моей мамы оказалось распахнуто поразительно много вещей. Она никогда не путешествует налегке, предпочитая тащить в багаже даже те мелочи, что легко купить в любой точке мира – пачку любимого печенья, длинный красный зонт сродни тому, на котором летала небезызвестная Мери Поппинс, кашемировый плед с пятном от варенья. Моя работа. Я про пятно, не про плед, он – творение рукодельницы Шурочки.

Шурочка, мой кот, Москва. Незнакомые, почти забытые за ненужностью слова. Я поверить не могла, что к вечеру увижу их, но все факты говорили в пользу этой версии. Вот Андре выходит из отеля, выволакивает последний и самый чудовищный чемодан из всех, вот он заталкивает чемодан в багажник неуклюжего, похожего на московскую маршрутку минивэна Citroen Jumpy. Этот крокодил – единственная машина достаточно большого размера, которая нашлась в бюро по аренде машин Авиньона. Мы стали ее владельцами до самого вечера, посчитав, что нет большого удовольствия в том, чтобы перегружать

целую кучу чемоданов из такси в такси. Андре привезет вещи в аэропорт, маму доставят туда же на специальном транспорте, я поеду с ней. Вечером из аэропорта эту машину заберет водитель бюро. Удобно, практично, экономично. Впрочем, насчет экономичности я совсем не уверена – наверняка, все происходящее обходится Андре в копейчку, но он не говорит мне ни слова, а я не задаю никаких вопросов. Я просто хочу домой.

Мои французские каникулы затянулись, и, как бы я ни хотела, не могу подавить этой простой детской радости от возвращения домой – здесь, в путанице темных, поблескивающих гранитной крошкой дорог я совсем утратила это ощущение дома. Я как потеряшка, сирота, выросшая в интернатах и приемных семьях, передаваемая с рук на руки. Умом понимаю, что Москва не сможет ответить ни на один из моих вопросов, но все равно упрямо хочу обратно, безо всякого намерения объяснять, что именно мне это даст. Хочу – и все.

– Ты позвонишь мне сразу, как только ваш самолет приземлится, – это не вопрос, это утверждение. Андре смотрит на дорогу, а я – на его профиль, на пробивающиеся темные точки щетины, на изогнутую линию чуть приоткрытых губ. Андре нервно покусывает их, он напряжен как пружина.

– Мне необходимо привести все в порядок, – оправдываюсь я, хотя ни одного вопроса мне задано не было. Было бы странно, если Андре в самом деле принялся отговаривать меня от возвращения в Россию. Аргументы «за» мой отъезд настолько серьезны, что против них нельзя бить даже любовью. Но я знаю, что он не желает меня отпускать, и эта мысль мне приятна.

– В порядок, – фыркает он. – У тебя никогда и ничего не приходит в порядок.

– Почему ты так уверен, что я не вернусь? – спрашиваю у него, но Андре на глупые вопросы не отвечает. Мы проделываем остаток пути до Авиньона в молчании, каждый из нас занимается своим делом. Я смотрю на Андре, а он – бесится. На въезде под узкие своды больничной парковки нас останавливает охранник, и Андре долго объясняет ему, куда мы направляемся и почему не можем оставить машину на гостевой парковке. Нам нужно будет кое-что разгрузить, кое-что погрузить – подготовка к перелету займет несколько часов, и машина может понадобиться. Охранник недоволен, ему нужен пропуск. Андре

заезжает в подземелье, но недалеко – почти рядом с въездом, за первым же поворотом. Выключает двигатель машины и забирает ключи, но оставляет открытым свое окно, видимо, чтобы в машине не было слишком душно. И уходит за пропуском, а я сижу в машине и скучаю, жду его, читая глупые бессмысленные новости на маленьком экране смартфона Андре – у него подключен интернет. Его нет почти двадцать минут, и я начинаю волноваться, поглядывать по сторонам – вглядываться в тусклые асфальтовые коридоры, уходящие от меня в три стороны. Затем нажимаю на экран, нахожу в телефоне свой собственный номер – мой аппарат Андре забрал с собой – и звоню. Вместо гудков слышу звуки легкомысленной французской песенки. Понятия не имею, откуда она взялась – наверняка, я не заметила, как подтвердила подключение какой-нибудь платной услуги. Я даже не знаю этой песенки, но она веселая, мелодичная, с проигрышем на аккордеоне.

– Алло, ну ты где? – спрашиваю я, когда Андре отвечает. Наверное, он тоже не сразу понял, что телефон звонит у него. Я запоздало покраснела, вспомнив, что в моем телефоне Андре обозначен как Мистер X – все потому, что я прятала его от мамы. – Что там у вас происходит? Дали пропуск?

– Уже иду, – ответил он сухо и коротко. Занятой человек, которого я вечно отвлекаю от дел. Я хотела было положить трубку, но мой взгляд вдруг выхватил то, чего еще несколько секунд назад не было на асфальтовой дорожке. Кто-то прятался в темноте за широким бетонным столбом, и я приподнялась, приблизившись к лобовому стеклу, чтобы получше разглядеть.

– Что за черт? – пробормотала я, сощурившись. Неразличимое нечто исчезло, теперь за столбом под номером А-12 виднелся только асфальт с белой линией разметки.

– Что такое? – услышала я и растерянно перевела взгляд на телефон, который все еще держала рядом с ухом.

– Ничего, ничего, – покачала головой я, но кое-что произошло в ту же секунду. Из-за толстого бетонного столба с выведенным через трафарет номером А-12 появилась она. Не вышла, а материализовалась, как привидение – женщина в пугающе знакомой темной одежде в пол. Она была в чёрном никабе, что закрывает все лицо, кроме глаз. Название этого традиционно мусульманского предмета одежды я почерпнула из интернета в тот день, когда увидела женщину на площади напротив отеля, где мы с Андре сушились после того, как

глупо промокли под проливным дождем. Выросшая в Москве, я до того дня знала только слово паранджа – из «Белого солнца пустыни» и слышала про хиджаб – из новостей. Вспомнилась еще небезызвестная фраза: «Гюльчатай, открой личико». Когда я смотрела на эту женщину с высоты четвертого этажа, на ней был хиджаб, позволявший увидеть почти треть лица, но расстояние между нами было слишком велико, чтобы я разглядела ее лицо своими подслеповатыми близорукими глазами любительницы книг в толстых переплетах. Теперь женщина была совсем близко, и ее полные ненависти черные глаза смотрели на меня так, что стены парковки вдруг стали сжиматься и давить на меня. Но кроме этих глаз не было ничего. Осталась только я и ее глаза. Счет пошел на секунды.

Я закричала. Еще до того, как поняла, что происходит, закричала от ужаса, а когда темную фигуру без отличительных признаков осветил яркий свет пламени, я подавилась своим криком. Все произошло так быстро, что я ничего не успела понять. Женщина подошла что-то, что держала в руках, и яркая вспышка заставила меня подпрыгнуть на сиденье. Фигура метнулась ко мне – между нами было всего несколько шагов, женщина в никабе умудрилась подобраться так быстро, что на преодоление последней разделяющей нас дистанции потребовались считанные мгновения.

– Что такое? – шипел телефон, но я выронила его на пол. Я ничего не могла сказать, было так страшно, что я почти не дышала. Женщина в черном поравнялась с машиной, приблизилась к открытому окну водительского сиденья, и все замедлилось, как это бывает в дешевом кино про спасение мира. Я увидела, что языки пламени – не фокус, не галлюцинация, что это – огонь, пляшущий прямо в руках этой чудовищной женщины, и что она сама пылает от ненависти по неведомым мне причинам. Еще секунда – и огненный шар полетел прямо в меня, она швырнула его и отпрыгнула в сторону, изрыгая проклятия. Окно машины оказалось ниже, чем она рассчитала, она промазала немного, и коктейль Молотова, помещенный в простой пластиковый пакет из-под молока, зацепился за верхний край, траектория полета изменилась. Огненная жидкость стекала вниз. Я инстинктивно вскинула руки и закрыла глаза, но это не помогло, я чувствовала смертельный жар, его хищный оскал, всей кожей. Запахло бензином – горящий пластик прорвался, и содержимое этой самодельной бомбы пролилось прямо на водительское сиденье. Пламя вспыхнуло и поднялось, как волна цунами при ударе о прибрежные дома – оно бушевало прямо рядом со мной, танцевало на сиденье, где валялась моя сумка. Оно было таким ярким, что доставало до моего лица и выставленных вперед рук.

* * *

Я никогда не сталкивалась со смертью лицом к лицу, только слышала о ней, когда читали некрологи в новостях, и моя мама принималась рассказывать журналистам об умерших, которых она хорошо знала и с которыми близко дружила, – актерский мир тесен. Когда я была маленькой, мы похоронили бабушку, которую я, в общем-то, совсем не знала – они с мамой были в вечных «контрах». Бабушка не одобряла ни мамино фиглярства, как она именовала ее профессию, ни пренебрежения материнскими обязанностями. Бабушка, для которой слово врач было синонимом святой, мечтала, чтобы мама поступила в медицинский. Мама же всех врачей именовала эскулапами. Определенно, всех, кроме пластических хирургов. Впрочем, на бабушкиных похоронах их с мамой расхождение во мнениях неожиданно трансформировались в «редкое в наши дни взаимопонимание и поддержку». Память о бабушке хранилась с нежностью, куда превосходящей прижизненную любовь. Надо признать, что бабушкина смерть многократно улучшила их отношения.

Когда пропал Сережа, единственное, о чем я могла думать, это то, что вина за все, что произошло с ним, лежит на мне. Чувство вины – мой любимый десерт, меня тортом не корми, дай в чем-нибудь себя обвинить, чтобы потом бегать от самой себя, загоняя раскаяние за Можай. Я даже мысли не допускала, что он мертв. Особенно, что может быть убит чьей-то рукой. Убийства для меня были частью сюжета старых английских фильмов об Эрколе Пуаро, но вот я сижу в арендованном автомобиле, охваченным огнем, и черные глаза моей убийцы смотрят на меня сквозь огненные языки пламени. Огонь распространяется быстро, а жженный пластик с обивки заполняет салон едким дымом, от которого слезятся глаза и разрываются легкие.

Не больше минуты. Я провела в горящем салоне не больше минуты, вдыхая горячие пары бензина и ядовитого дыма, но то, что на парковке появился Андре, было чудом, которое спасло мне жизнь. Он услышал мой крик по телефону и побежал по черной больничной лестнице, стерильно-белой, с чистыми глянцевыми стенами. Ее дверь выходила прямо на парковку, и Андре оставалось пробежать еще около ста метров, чтобы добраться до того места, где меня пытались убить. Не больше минуты, но я уже успела надышаться черным пластиковым дымом, от которого жгло внутри, будто от прикосновения

раскаленного железа. Меня тошнило, я кашляла так, словно собиралась выплюнуть легкие, а когда Андре распахнул дверь и вытащил меня на асфальт, чуть не потеряла сознание. Машина полыхала все сильнее, у меня болели руки – я обожгла ладони, которыми пыталась закрыться от адского пламени. Мне повезло, что бензин пролился на сиденье, не попав на меня, и я избежала жуткой участи стать живым факелом, явно уготованной для меня женщиной в черном.

– Она... она... ты видел ее? – шептала я, но голоса не было, и я хрипела и кашляла, пока Андре оттаскивал меня от эпицентра, от этого ведьмовского костра. Светлая майка, тонкая юбка со сгоревшим кружевом – все перепачкалось, стало грязным и серым. Я лежала на жестком, шершавом асфальте, чувствовала его твердую поверхность, своеобразный резиновый запах шин, что бывает только на парковках, и с удивлением осознавала, что осталась жива. Вой сирены был таким громким, что больно бил ушам. Пожарные прибыли одновременно с врачами, сумасшествие началось, как стихийное бедствие. Кто-то кричал и бесконечно звонил куда-то, другие люди бегали мимо нас, визжала какая-то женщина. Вдруг неожиданно погас свет. Погас, но потом так же неожиданно появился: кто-то боялся, что огонь может вызвать короткое замыкание, и отключил освещение, но пожарные уже потушили основной очаг возгорания. Из противоположного угла зала подземной парковки мне было видно, как полыхающий костер затух, а взятая нами в аренду машина в одночасье превратилась в большой белоснежный пенный сугроб – ее полностью залили противопожарной пеной. Про нас словно забыли, мы так и оставались там, я – лежа без сил на асфальте, Андре – рядом со мной, прижимая меня к себе, почерневший от страха, реальный, спустившийся с небес на землю.

– Кого? Кого ты видела? Нет, молчи, молчи, Птица. Тебе нельзя говорить. Эй, кто-нибудь! – взвыл Андре, и про нас, наконец, вспомнили. На смену хаосу пришел профессионализм. Мгновенно появились носилки, их подкатили прямо ко мне, поставили рядом и переложили меня на счет «три», подняв осторожно, дружно и слаженно. Кто-то попытался оттереть от меня Андре, но тот только гаркнул: «Я врач», и больше его не трогали. Он держал меня за руку и смотрел в глаза, и этого было достаточно, чтобы я не развалилась на атомы, чтобы держалась. Носилки поднялись вверх от нажатия на рычаг, и лицо Андре исчезло, я лежала и смотрела вверх, на потолок – ракурс, который показывают в фильмах каждый раз, когда кого-то катят по больничному коридору, теперь крутили для меня живую. Пластиковые квадратики, свет ламп, белые стены. Я знала, что Андре

идет рядом, но не могла его увидеть, потому что мне на лицо нацепили респираторную маску.

– Сейчас станет легче, – услышала я его голос. Кто еще станет говорить со мной по-русски в Авиньоне? Я кивнула и закашлялась. Голова кружилась, все еще тошнило, словно меня накрыло похмелье после двухнедельного запоя, но по большому счету мне было совсем не так и плохо, если сравнивать с тем, что могло случиться, приди Андре хотя бы на минуту позже. Чьи-то ловкие, не знающие сомнений руки спеленали мои ладони бинтами, воткнули в мою вену иголку, и божественное забвение капля по капле стало проникать в мою кровь, делая меня безразличной ко всему, кроме Андре.

Я проспала, наверное, несколько часов, вдыхая насыщенный кислородом воздух из маски – мои легкие было необходимо очистить от ядовитых продуктов горения, от соединения углекислого газа с гемоглобином, как мне позже объяснил Андре. Когда я очнулась, маску уже сняли, но я все равно чувствовала себя уставшей, как раб на галерах. И такой же избитой, словно меня хлестали плетью. Уставшей и избитой – но живой. Никогда не думала, что так люблю жизнь, так люблю дышать, чувствовать вкус холодного, наполняющего жизнью воздуха. Повернув голову, осмотрелась – я лежала в небольшой палате, отгороженной от остального мира прозрачными стеклянными стенами. На небольшом стуле, обтянутом темно-бордовой искусственной кожаной обивкой, как обессиленный, но преданный страж замка, дремал Андре, однако сон его был настолько нервным и чутким, что от поворота моей головы он тут же проснулся. Как только услышал!

– Эй, как ты? – спросил он, поймав мой взгляд. – Тише, не надо ничего говорить.

– Ма... мама... как она? – спросила я почти беззвучно. Андре вздохнул и прикусил губу.

– Я отложил вылет, Даша. Но самолет еще здесь, в Авиньоне.

– Ты видел ее? Видел? – спросила я, все еще надеясь на то, чему, я чувствовала, не суждено сбыться.

– Кого? Кого я должен был увидеть?

- Ее. Женщину... в никабе... Глаза... только глаза... - говорить было тяжело.

- Это женщина подожгла машину? Ты это хочешь сказать, да, Даша? Не напрягайся, тебе будет трудно дышать, - голос Андре загустел, как остывающий кисель. Он склонился и с беспокойством посмотрел на меня, словно пытаюсь определить на глаз, пришла ли я в себя или все еще брежу.

- Не нашли, - выдохнула я разочарованно. Значит, моей несостоявшейся убийце удалось скрыться. Видимо, она не стала ждать окончания спектакля со мной в главной роли и убежала, как только коктейль Молотова был сервирован на мой столик. Я обессиленно откинулась на подушку и посмотрела в потолок.

- Даша, расскажи мне все, - попросил Андре. - Я ничего не понимаю, честное слово. Что за женщина?

- Женщина... в черном, - сказала я, а потом, торопясь и задыхаясь от мучавшего меня кашля, рассказала ему все.

Андре слушал меня молча, не перебивая, но по мере приближения моего рассказа к тому моменту, когда наполненная горючим пачка из-под молока влетела в окно арендованной нами машиной, его лицо потемнело, как небо перед грозой. Я знала, что была неправа, не рассказав Андре о той минутной сцене на площади, хотя, с другой стороны, что я могла сказать тогда? Что подозреваю прохожую? Что я испытываю неприятное беспокойство при виде мусульманских женщин, что само по себе может стать проблемой в Париже, где все буквально помешаны на политкорректности?

- Я же не знала... - протянула я, когда последние слова были сказаны.

- Ты и сейчас не знаешь, - покачал головой Андре, а затем вдруг встал, схватился за голову и принялся чертить комнату шагами - туда-сюда, туда-сюда. Я снова закашлялась.

- Чего я не знаю?

– Ни-че-го! – отчеканил Андре. – Мы ничего не знаем, кроме завершенно неправильного факта, что тебя пытались убить. Кто-то, предположительно женщина с черными глазами....

– Почему предположительно? – опешила я, стараясь подавить головокружение, вызванное этим хаотичным движением Андре по палате. – Это была женщина.

– Ты уверена? Сегодня ты видела только глаза. В прошлый раз ты видела лицо – частично и смутно, с террасы на четвертом этаже. Ты уверена, что разглядела лицо? Что если это была не женщина, а молодой мужчина? Возможно такое?

– Ну... наверное, – растерялась я. – Были сумерки.

– Были сумерки, – повторил он так, словно я сказала что-то предосудительное. – Были сумерки!

– Андре?

– Что? – он развернулся ко мне. – Что – Андре? Тебя хотят убить, понимаешь ты это или нет?

– А ты? – тихо спросила я, и Андре замер, словно наткнувшись на невидимую преграду. Он стоял, молча абсорбируя весь ядовитый сок этого знания, а затем повернул голову к окну.

– Тебе нужно уезжать, – произнес он пугающе спокойно. – Чем быстрее, тем лучше. Сейчас же позвоню Марко. Как хорошо, что я не отпустил самолет.

– Андре!

– Мусульманская одежда может быть простым маскарадом, как бывает, когда преступники надевают шляпы и красные шарфы. Маскировка плюс единственная примета, которую ты запомнишь и потом озвучишь полиции. Черная одежда, черные глаза. Мусульманский след, террористы. По большому счету, это вообще может быть не мусульманка.

– И не женщина.

– И не женщина, да.

– Но, если это был мужчина, то не крупный и не широкоплечий. Худенький, невысокий. И двигается по-женски. И убийство – вся эта история с коктейлем Молотова, она какая-то... странная. Так убивают только дилетанты. Шум, риск, что тебя задержат еще до того, как ты доберешься до жертвы.

– Даша, – Андре остановился и развернулся ко мне. – Давай не будем играть в детективов, мы понятия не имеем, с кем имеем дело. И все наши догадки могут оказаться ложными. Это может быть мужчина с голубыми глазами или свихнувшийся старый китаец, но это никак не объясняет того, что произошло с тобой. Почему за тобой следили? Может быть, они следили за мной? Тебя пытались убить, но зачем? Зачем все это? Кому ты мешаешь? Ты же никому ничего не сделала, ты здесь даже никого не знаешь! – Андре почти кричал, и я никак не могла вклиниться в его монолог. Тогда я взяла и вылезла из кровати, вырвала из руки прозрачную змею – шнур от капельницы. Андре застыл в немом изумлении, а затем бросился мне наперерез.

– Тебе нужно лежать, Даша. Ты куда собралась?

– Оставь, Андре, я чувствую себя нормально, – заявила я, что почти соответствовало действительности. Почти.

– Ничего подобного. Немедленно иди в кровать, – Андре схватил меня за локоть, но я вырвала руку и посмотрела на него, словно он был папуасом из дикого племени, языком которого я не владела. Попробуй объяснить что-то обезумевшему от страха мужчине.

– Андре, мне нужно увидеть маму. Неужели ты не понимаешь? Мне нужно...

– Чего? – почти прорычал он, сознательно или нет, отмечая то, что я пыталась ему сказать. – Снова рисковать? Я во всем виноват, я привез тебя сюда...

– Прекрати! Ты ни в чем не виноват. Ты даже понятия не имеешь, с кем мы имеем дело.

– А ты знаешь? – нахмурился он.

– Нет! В этом-то и проблема. Но теперь я понимаю, все это – звенья одной цепи, и мы не можем больше игнорировать этот факт.

– О чем ты. Какой цепи?

– Подумай сам. Сначала пропадает Сережа, затем моя мама оказывается в коме....

– Это чисто медицинская ситуация. Твоя мама болела. Мы всё осмотрели, проверили все возможные варианты, – убеждал Андре, но я видела, что он и сам не слишком верит в то, что говорит.

– Да, мы все осмотрели, а меньше, чем через сутки после того, как мы приезжаем сюда, меня пытаются убить. Ты же должен понимать, что это не может быть простым совпадением! Андре, я не знаю, что за чертовщина здесь происходит, но я должна пойти к маме. Чего-то мы не учли, что-то просмотрели. Кто знает, что еще угрожает ей?

– Или тебе, Даша.

– Или тебе, Андре, – упрямо ответила я. Андре посмотрел на меня так, словно я была вышедшей из-под контроля силой природы – шквальным ветром или высокой океанской волной. Он замотал головой и стиснул ладонями виски. Его лицо стало бледным, несмотря на загар.

– Вы должны улететь. Срочно – обе. Вам нельзя оставаться здесь. Это единственное правильное решение, понимаешь, – продолжил он, но я помотала головой.

– Улететь и оставить тут тебя? Нет, Андре, теперь и ты должен улететь с нами. Кто знает, не идешь ли ты следующим в этом списке.

– Я тоже могу улететь, – пробормотал Андре, глядя на меня с одобрением. – Ты права. Я организую ваш вылет, а потом улечу сам. Интересно, сколько времени понадобится, чтобы сделать мне визу? Думаю, если обращусь к отцу или Марко, ее сделают быстро.

– Да! Да, Андре, мы можем улететь отсюда в Москву. Но... что, если эти люди будут преследовать нас? Кто-то все время следил за нами. Значит, и за мамой следили... – тут мне стало по-настоящему страшно. Я добежала до маминой палаты, и только сев около нее, моей спящей красавицы, услышав ее размеренное, неестественно ровное дыхание, немного успокоилась.

Даже если мое чудовищное предположение – правда, и эти люди, кто бы они ни были, преследуют нас, в Москве им будет значительно сложнее действовать. Дома и стены помогают. Вот только... вскоре выяснилось, что улететь я не могу. Мои документы – заграничный и российский паспорта, а также старательно сделанные мною их ксерокопии – всё было уничтожено. Огонь – беспощадный варвар – не добрался до меня, но сожрал мою сумку и все ее содержимое. Я оказалась прикована к французской земле, словно кто-то приколдовал меня, но я не была уверена, что такого рода колдовство можно разрушить с помощью креста и святой воды.

* * *

Я настояла на том, чтобы маму увезли в Москву без меня. И дело чуть не дошло до истерики. Всею виной страх – липкое, холодное чудовище, которое хватало меня, не давая мыслить рационально. Нам показали видеозапись с камер наблюдения – в узкой комнате охраны, в подвале больницы стояло множество экранов, и, глядя на молчаливое видео на одном из них, я заново пережила свой кошмар, по новой вскрывая еще совсем свежую рану.

– Это она? – спросил Андре, глядя на темный силуэт в длинном балахоне. Женщина в никабе, если все же допустить, что это была именно женщина, приехала в больницу на такси и высадилась на гостевой парковке почти за час до того, как мы приехали за мамой из пригорода. Она расплатилась, достала из багажника такси небольшую матерчатую сумку, а затем торопливо пересекла почти пустую разлинованную площадь перед больницей. Остановившись перед стеклянными дверями, женщина достала откуда-то из недр своего одеяния телефон, но звонить никому не стала – только сверилась с чем-то на экране. Один из самых четких, информативных кадров видео показал, что тонкие пальцы женщины украшены аккуратным маникюром – тонкая полосочка френч на каждом ноготке. Женщина, определенно.

- Ты не знаешь ее? – спросила я Андре, и он посмотрел на меня так, словно я дала ему пощечину.

- Почему ты спрашиваешь? Думаешь, если бы я знал ее, не сказал тебе? – слова прозвучали так, словно кто-то ломал в воздухе ветки сухостоя.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Я исчезну скоро, навсегда не твой... (англ.). (А-НА – норвежская музыкальная группа).

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/alisa-klever/zhenschina-na-odno-utro-tancor>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)